

«Кесарево кесарю...»

О вмешательстве государства
в дела Русской православной церкви (первая треть XX века)

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

Иван ЯНУШЕВИЧ,
кандидат исторических
наук, доцент

Иван ЯНУШЕВИЧ. «Кесарево кесарю...». В статье рассматривается вопрос вмешательства органов государственного управления в дела Русской православной церкви в первой трети XX века. Проанализированы модели государственно-церковных отношений в указанный период и в Республике Беларусь. Определено, что царское правительство не смогло обеспечить условий для эффективного функционирования одного из важнейших институтов государственной власти. Установлено, что большевики предприняли попытку полного подчинения РПЦ «политическим требованиям советского народа». Деятельность партийных и государственных органов по регулированию внутренних вопросов Церкви противоречила действующим конституциям и нарушала законодательство о свободе совести.

Ключевые слова: православная церковь, советское государство, государственно-церковные отношения.

Ivan JANUSHEVICH. *Render Unto Caesar...* The article deals with the issue of government interference with the affairs of the Russian Orthodox Church in the first third of the 20th century. The article analyzes the models of state-church relations that existed in the Republic of Belarus in the above-mentioned period. The author concludes that the tsarist government failed to provide conditions for the effective functioning of one of the most important institutions of state power. It was established that the Bolsheviks attempted to completely subordinate the Russian Orthodox Church to the “political demands of the Soviet people”. The activities of the party and government bodies to regulate internal issues of the Church contradicted the then constitutions and violated the law on freedom of conscience.

Keywords: Orthodox Church, Soviet state, state-church relations.

Революции 1917 года и последовавшие за ними социально-политические преобразования по сей день вызывают как различного уровня научные дискус-

сии, так и значительный общественный интерес. Многогранность событий не всегда позволяет объективно оценить те или иные действия сторон в условиях сложнейшего процесса трансформации политической системы и социально-экономических преобразований. Идея создания более справедливого общества с достойным уровнем жизни трудящегося человека не могла не увлечь граждан. Построенное ими социалистическое государство не только победило фашизм, но и на долгие годы стало залогом стабильности в мире. Основой же всех побед и достижений советского народа стало его уникальное мировоззрение. На многовековой истории, государственных, культурных и духовно-нравственных традициях в реалиях социалистического строя сформировался народ-победитель, народ-труженик, народ-интернационалист. Однако и ошибок на пути к этому было достаточно. Одной из них следует назвать политику

ОБ АВТОРЕ

ЯНУШЕВИЧ Иван Иванович.

Родился в 1974 году в д. Забулье Слонимского района Гродненской области. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1996), аспирантуру Республиканского института высшей школы (1999), Академию управления при Президенте Республики Беларусь (2011), докторантуру исторического факультета БГУ (2019).

С 1996 года работал воспитателем в общежитии БГУ, в 1999–2002 годах – главным специалистом, заместителем начальника отдела, начальником отдела, начальником управления в аппарате Центрального комитета общественного объединения «Белорусский патриотический союз молодежи», в 2002 году – главным специалистом Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь. В 2002–2004 годах – заведующий сектором аналитической работы Управления аналитической работы и перспективного развития БГУ. В 2005 году назначен начальником научно-методического отдела РИВШ. С 2005 по 2017 год – заместитель декана гуманитарного факультета БГУ по учебно-воспитательной работе, декан факультета социокультурных коммуникаций БГУ. С января 2018 года – проректор по воспитательной работе и социальным вопросам Белорусского государственного университета.

Кандидат исторических наук (2001), доцент (2008).

Автор около 140 научных работ.

Сфера научных интересов: государственно-церковные отношения.

в отношении религии и Церкви. Но не сама идея массового распространения атеизма в конкурентной среде вызывает некое отторжение, а те действия, которые подрывали нравственные основы общества.

Взаимоотношения с религиозными организациями для любого государства – зона особенной ответственности и рисков. Духовная сфера, сакральные чувства и мысли человека несут в себе как громадный созидательный потенциал, так и несокрушимую разрушительную силу и для государства, и для индивида, и для общества. Даже спокойная конфессиональная ситуация в стране не может гарантировать стабильность в случае каких-либо резких социально-политических изменений внутри и вне государственных границ. Разрушить межконфессиональный и межэтнический мир легко, а вот воссоздать иногда практически невозможно. Перед правительствами и народами стоит сложнейший вопрос формирования оптимальной модели государственно-церковных отношений.

Одним из примеров здесь может стать Республика Беларусь. Определившись со стратегическими направлениями в государственном строительстве, наша страна четко гарантирует неотъемлемое право человека на свободу совести для всех своих граждан. При реализации внутренней и внешней политики государство имеет право выбирать для сотрудничества или выполнения каких-либо задач наиболее приемлемые для этого организации. Главное здесь – равноправие всех конфессий перед законом и невмешательство светских властей во внутрицерковные дела. Государственное регулирование возможно только при вступлении религиозных организаций в правовые отношения с иными структурами. Вмешательство в сферу ответственности культов недопустимо, но наделенные в соответствии с Конституцией и законодательством Республики Беларусь органы обязаны предпринимать все меры по недопущению действий, наносящих вред здоровью и

жизни человека, а также являющихся угрозой национальной безопасности. Свобода совести, невмешательство во внутрицерковные дела и соблюдение действующего законодательства должны являться основой политики государства по отношению к религиозным организациям [1, с. 75–77].

Перед молодым советским государством стояли точно такие же задачи с одной существенной разницей: партия большевиков планировала создать безрелигиозное общество. Построить его она собиралась отнюдь не в конкурентной с идеалистическим мировоззрением борьбе, а методами революционной целесообразности и законности, одним из которых должна была стать компроматация религии и Церкви самим клиром через поддержку действующего режима [2, с. 331–332]. Ситуация, когда религиозные организации обеспечивают информационно-пропагандистское сопровождение реализуемой властями политики, для России была не нова и, скорее всего, воспринималась естественно. Но в советском государстве в межвоенный период это возможно было сделать только некими исключительными способами. Власти остро нуждались в поддержке гражданами осуществляемых преобразований. Изменения предполагались колоссальные во всех сферах. Касались они не только народно-хозяйственного комплекса, о чем мечтали миллионы крестьян и рабочих до революций 1917 года, но и идеологической сферы. Антирелигиозную деятельность властей и, по задумке леворадикальных большевиков, в первую очередь уничтожение Русской православной церкви должно было поддержать не только население, в подавляющем большинстве своем люди верующие, но и клир. Однако предположить, что добровольно и в здравом уме православный человек или священнослужитель примется разрушать то, что для него свято, было просто неразумно. И здесь без троянских коней и провокаторов обойтись невозможно. Следует отметить, что и почва для по-

◀ Поместный собор
1917–1918 годов

добных предположений была, хотя и не столь благодатная, как предполагали Л. Троцкий и его сторонники [3, с. 114, 158–159].

Внешне благополучное сотрудничество между РПЦ и властями в Российской империи со временем приобретало все более острый и системный характер. Церковь выступала как важнейший идеологический институт. Православие являлось основополагающей составляющей идеей российской государственности. Созданная Петром I синодально-консисторская система позволяла властям полностью регулировать внутрицерковные дела. Доходило до того, что фактическое руководство Церковью мог осуществлять чиновник, не разделявший христианское мировоззрение. На Поместном соборе 1917–1918 годов архиепископ Таврический Дмитрий (Абашидзе) с горечью говорил о церковной власти: «И схватили эту власть цепкие руки: явилось преемство власти не в рясах, а во фраках и мундирах, преемство людей неверующих, явных отступников от веры, по рождению и по воспитанию не принадлежащих к русскому народу» [4, с. 41]. Во время Первой мировой войны резко снизился уровень доверия населения к

правлящим кругам. Это касалось и всех поддерживающих царя, а затем и Временное правительство. Соглашательская позиция руководства РПЦ вызывала недовольство в среде священнослужителей и мирян, определявших миссию православия в духовном служении народу, а не в выполнении надзорных функций за прихожанами, их политическими взглядами.

Необходимость реформирования системы государственно-церковных отношений с начала XX века становилась все очевиднее. Церковь должна была стремиться к восстановлению своей деятельности в соответствии с православными канонами. Быстрое укоренение капиталистических отношений, формирование новых условий жизни граждан требовало адекватного, своевременного ответа и в мировоззренческом аспекте. Социальная доктрина, основанная на вероучительном фундаменте Церкви, должна была соответствовать моменту. Часть епископата, простой клир, профессура духовных школ отчетливо понимали опасность для веры и православия внешне благополучно реализуемой обрядности, инстинктивной религиозности, выполнявших политическую, националистическую, но только не религи-

озную функцию. Отход от веры и Церкви наблюдался среди всех слоев населения. Особенно опасным был он в крестьянской среде.

В условиях начавшейся Первой мировой войны первостепенной была задача освобождения Церкви из бюрократических пут. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, не отвечая на острые вопросы времени, РПЦ отдаляла себя от людей. Наблюдалась дальнейшая политизация духовенства. Церковь не обладала должным потенциалом для противодействия распространению нетрадиционных религиозных учений и радикальных политических идей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а взамен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [5, с. 26]. Ни царь, ни его окружение в сложных для страны условиях не предприняли мер по укреплению авторитета православной церкви, а ведь религия играла важную роль в общественном сознании.

Солдаты гибли на фронте, и сидя в окопах, недоумевали: зачем это надо им и их государству. Целесообразность войны подвергалась сомнению, а священнослужители должны были ратовать «за веру, Царя и Отечество». Политика царского правительства, а точнее его бездействие в патовой ситуации, провоцировала отход от традиционных ценностей и устоев, подталкивая в том числе и верующих к своего рода мировоззренческому обрыву. Царь и правительство сочли попытки модернизации Церкви несвоевременными и даже опасными. И в марте 1917 года Русская православная церковь никоим образом не смогла освободиться от государственных пут и, уже забыв «помазанника Божьего», призывала к поддержке Временного правительства. Из предлагаемых многими иерархами действенных реформ ни одна не получала своей реализации. Росло недоверие не только к Церкви и пастырям, но и к самой возможности спасения посредством высших сил. Ре-

шению внутрицерковных проблем могла способствовать только соборность управления Церковью, однако власти долгое время не разрешали созвать Поместный собор.

Главными задачами, требующими своего решения, были реформы духовных школ, приходов, административного территориального деления епархий. В связи с этим оказалась пророческой запись в дневнике отца Георгия (Шавелского): «Реформ не будет! А в таком случае революция церковная, – особенно если разразится революция государственная, неминуема» [6, с. 141].

Важно отметить, что и достижения деятельности Церкви, особенно на местах, были значительны. Несмотря на имеющиеся в симфонии государственных церковных отношений противоречия, религия в России играла мировоззренческую роль. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [7, с. 168]. Однако, утратив свой авторитет, в том числе в деле спасения монархического государства, удовлетворения меркантильных интересов самого государства, Российская православная церковь к 1917 году на определенное время подорвала иммунную систему общества, способность противостоять политическому и религиозному экстремизму.

Тяжелая экономическая ситуация и не проникнутых христианской любовью сердцах оправдывала любые способы улучшения своего благополучия. В погоне за насущными переменами далеко не все смогли правильно сориентироваться в выдвигаемых лозунгах, оценить их безопасность и просчитать последствия. Это стремление увлекло и некоторых воцерковленных людей, священнослужителей и даже монахов. Действия Временного правительства несли в себе ряд мер по фактическому разрушению Церкви. Среди религиозных деятелей были и те, кто в лозунгах о социальной справедливости не усмотрел губительных для РПЦ

деяний [2, с. 369–371]. Неудивительно, что радикальные лозунги выдвигались и представителями созданного в 1917 году Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян, которые призывали к внутрицерковным реформам, во многом подрывавшим единство православия.

Все-таки созданный в августе 1917 года Поместный собор не поддержал эти псевдореформы [8, л. 1–143]. Однако ряд клириков не проявили послушания и смирения главным образом из-за очевидной бесперспективности простого пастырского служения. «Реформаторы» понимали, что в борьбе за выживание обязательно нужен мощный союзник. Им могла стать только официальная власть, всячески желающая нейтрализовать влияние Церкви на верующих. Некоторые представители духовенства прямо предлагали свои услуги для борьбы с «церковной контрреволюцией» [3, с. 158]. В связи с имеющей место секуляризацией общества в революционном запале большевики предполагали в течение непродолжительного периода полностью ликвидировать не только религиозные организации, но и саму религию, заменив ее «верой без мнимых богов». В первые послереволюционные годы в условиях жестокого противостояния различных политических сил антирелигиозная деятельность советской власти фактически сводилась к физическому уничтожению священнослужителей.

К 1920 году внутривнутриполитическая ситуация изменилась. Насадить социализм штурмовыми методами на российской почве не удалось. Не получалась и антицерковная атака. В условиях социальной нестабильности человек все чаще искал поддержку не у земных сил, а обращал свой взгляд к традиционной вере. Для борьбы с православием большевикам необходимы были новые формы и методы работы. Одним из направлений стало инспирирование раскола Церкви и осуществление преобразований, разрушающих духовную основу религии [2, с. 331–332].

В среде духовенства нашлись представители, выразившие желание участвовать в мероприятиях безбожников. Значительная часть из них были участниками дореволюционного реформаторского движения. Органам государственной власти в первой половине 1922 года после кровавой расправы и грабежа Церкви под предлогом изъятия ценностей для помощи голодающим Поволжья удалось передать управление РПЦ так называемым обновленцам. Под лозунгами обновления «старой», «закостенелой» Церкви это направление объединило несколько немногочисленных течений, образованных из числа действующих и выведенных за штат священнослужителей [9, л. 80–81].

Лев Троцкий как главный инициатор осуществления раскола РПЦ, а в дальнейшем и сотрудники ОГПУ предполагали использование обновленцев по нескольким основным информационно-пропагандистским направлениям. Первое, это поддержка советской власти как самого социально справедливого режима в мире, пусть даже с самыми невероятными идеями мировой революции. Многие культы уже громко об этом заявляли [10, л. 62, 89, 116]. Советская власть приводилась в пример как самая демократичная и передовая власть современности. Патриарх Тихон, предавший анафеме исполнителей массовых убийств и выразивший несогласие по вопросу Брестского мира, в этой ситуации заявил только об аполитичности Церкви [11, с. 78–79, 82–84, 107–109, 160–161]. Как первосвященник он не мог пропагандировать идеи сопротивления пуская и богоборческой власти, однако и одобрять ее насильственные действия также было безнравственно [12, л. 19–20].

Стоит отметить, что революция принесла не только беды и страдания, но и надежду на социальное равенство и на возможность участия в решении важнейших политических вопросов в жизни страны. Публичная поддержка священнослужителем реализуемых в стране Советов социально-экономических и политических преобразований не могла

► Патриарх Тихон

не оказать воздействия на верующего. В условиях массовых антибольшевистских выступлений, невозможности распространения своей власти по всей территории государства слово пастыря могло поколебать уверенность стремящихся к активному сопротивлению граждан. Ситуация в Беларуси, например с так называемым «политическим бандитизмом», была весьма актуальна все 1920-е годы, а не только в начале десятилетия, когда власти на местах фактически не выполняли своих административно-распорядительных функций [13, л. 106, 173–174].

Вторым направлением, актуальность которого особенно остро ощущалась во время знаковых политических кампаний, было обвинение обновленцами старой тихоновской церкви в контрреволюционности [14, л. 88–89]. Приклеенный в 1917 году к любому священнослужителю ярлык «контрреволюционер» (а в 1930-е годы – «враг народа»), с одной стороны, оправдывал по отношению к клирику любые меры воздействия, с другой – должен был отталкивать верующего от

пастыря, общение с которым грозит ему проблемами с властями. В то же время обновленцы всячески позиционировали себя сторонниками социалистического строя, а значит, отношения с ними для прихожан – легальны и безопасны [12, л. 21]. Но подавляющее большинство верующих считали обновленцев агентами ОГПУ, рассказы которых не имели должного пропагандистского эффекта. А возникавшие по этому поводу споры вели к взаимным обвинениям и угрозам, что никак не соответствовало образу нравственного идеала. Враждующие стороны допускали слова и действия, трактуемые антирелигиозниками как разложение обоих течений в Русской православной церкви.

Третьим и наиболее коварным методом было внесение смуты в канонические основы православия. Здесь обновленцы действовали по двум основным направлениям. Первое – это разрушение устоявшейся структуры РПЦ. Вместо возрождаемой решениями Поместного собора 1917–1918 годов соборности приносилась коллегиальность советского типа, когда вопрос решался заранее и не теми, кто за него голосовал, но средства массовой информации и пропагандисты тиражировали эти решения как всецерковные. Тем более опасны были «новости» о высшем церковном руководстве, о неспособности патриарха Тихона управлять Церковью в условиях отсутствия мощной бюрократической поддержки буржуазного государства, об отходе ближайших единомышленников от первосвященника и многое другое. Всячески популяризировалась «демократичность» обновленческой иерархии в противовес строгой церковной дисциплине у староцерковников. С этим тесно связано и второе направление, а именно: разложение самого духовенства. Монашество как столп православия отвергалось полностью. Священнослужитель фактически ничем не мог отличаться от гражданского лица. А равноправие белого и черного духовенства, простого клирика и епископа было всего лишь прикрытием, которое давало возможность вступать в

брак их иерархам. Простые священники получили возможность второбращения и не только. Подобные нововведения были характерны для харизматических религиозных течений и подрывали доверие к причастным к этому «батюшкам», деятельность которых советской пропагандой преподносилась как разложение всего православного клира [15, с. 117–153].

Проект под названием «обновленчество» был в разной степени актуален до середины 1930-х годов. Во второй их половине даже уже полностью отказавшееся от большинства своих нововведений движение не представляло для государственных органов интереса: его представители не имели авторитета в глазах верующих. Еще только просматривающиеся идеи формирования патриотических чувств граждан на традиционных для населения ценностях, хотя и в социалистической оболочке, подразумевали максимальную искренность в словах и поступках модераторов. К обновленчеству даже сотрудники ОГПУ и Л.Троцкий относились с пренебрежением, хотя среди представителей этого движения были и искренне желающие блага православию, но запутавшиеся в своих поступках и действиях священнослужители [2, с. 421–423].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что поставленная цель – использовать религию и церковные организации в решении своих политических задач – ни царским правительством, ни большевиками в итоге достигнута не была. Православная церковь, как часть государственной системы управления в Российской империи, была ограничена в возможности реализации наиболее эффективных способов работы с населением. Непринятие властями действенных мер по укреплению основ российской государственности, духовно-нравственной безопасности привели к ликвидации и самого правящего режима. Проект большевиков по захвату управления в РПЦ посредством насаждения обновленчества не удался ни в пропагандистском, ни в

административно-управленческом плане. Верующие не доверяли и раскольникам, и власти, пытавшейся их обмануть, эксплуатируя сакральные потребности человека. Силовая поддержка государственными структурами обновленцев при отъеме у сторонников патриаршей Церкви храмов и иного имущества имела краткосрочный успех и в итоге привела к фактической ликвидации раскольных приходов. Возрождение Церкви проходило уже без них. В обоих случаях власти, не учтя функций, выполняемых религией и Церковью в обществе, несмотря на значительные организационные и финансовые издержки, ожидаемого результата не получили. Политическое руководство страны, пытаясь регулировать то, что не лежит в правовом поле и не относится к компетенции государства, своими действиями создавали более благоприятные условия для своих же оппонентов. ▬

Статья поступила
в редакцию 23.07.2020 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Земляков, Л.Е. На основе согласия / Л.Е. Земляков // *Беларуская думка*. – 2013. – № 2. – С. 74–81.
2. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подгот.: Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – Новосибирск: Сиб. хронограф; М.: РОССПЭН, 1997–1998. – Кн. 1. – 1997. – 597 с.
3. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Библиейско-Богословский ин-т св. Апостола Андрея, 1996. – 328 с.
4. Цыпин, В. Русская Церковь (1917–1925) / протоиерей Владислав Цыпин. – М.: Сретенский монастырь, 1996. – 335 с.
5. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / священник Федор Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
6. Шавельский, Г.И. Русская Церковь пред революцией / протопресп. Георгий Шавельский. – М.: Артос-Медиа, 2005. – 509 с.
7. Кузнецов, С.В. Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С.В. Кузнецов // *Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований* / Т.А. Листова (отв. ред.), С.В. Кузнецов и др. – М.: Наука, 2001. – С. 168–182.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 3434. Оп. 1. Д. 167.
9. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 338.
10. ГАРФ. – Ф. Р1235. Оп. 58. Д. 34.
11. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. – М.: ПСТБИ, 1994. – 1063 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 118.
13. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 172.
14. ГАРФ. – Ф. А353. Оп. 8. Д. 8.
15. Шишкин, А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви / А.А. Шишкин. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1970. – 367 с.